

дакторов, и той общностью историко-философских идей, которая его связывает с двумя другими. Об этой связи свидетельствуют и цитаты из их книг в первых главах, дающих схематический портрет старой России: природа, крестьянство, интеллигенция, монархия. Но и в здѣсь, конечно, вклад самого автора весьма значителен, и русский читатель узнает многія из «Мыслей о Россіи», печатавшихся годами в «Современных Записках». Такова основная степенювская интуиція русской религиозности, которая непосредственно связывается им с созерцаніем русской земли: как безконечность (максимализм) и безформенность (варварство). Большевизм для автора есть «псевдоморфоza», или отрицательная форма этой русской религиозности. В анализѣ русской революціи и особенно идей ленинизма, которому посвящена вторая часть, Степун вполне оригинален и вполне свободен от возможнаго упрека в схематизмѣ. Убийственно вскрыты всѣ парадоксы марксизма в крестьянской революціи, дана мастерскими штрихами философія революціи, как таковой, с ея гибелью реакціонных и революціонных идеологій, и даже нарисован конкретный образ большевистской диктатуры первых лѣтъ, беспощадный и правдивый. Ярко вскрыты безумія и мнимость революціи, как идеологій, не отбрасывают автора в контр-революціонный стан. По новгородски он борется против большевизма и слѣва и справа за новую Россію, трезвую и очищенную страданіем, призванную к

«примиренію идей» на почвѣ, удобренной пеплом «идеологій». Нужно ли говорить о мастерствѣ, с которым написана книга? Тѣм из наших читателей, кто знает лишь русского Степуна, скажем, что, повидимому, нѣмецкій язык дает полную мѣру всѣх возможностей его стиля. Этот пьянящій кубок, гдѣ философскія абстракціи играют и искрятся с легкостью, не отнимающей ничего у глубокой, порой трагической серьезности, только и возможен для языка Гете и Ницше. Степун владет им, как артист и как мыслитель.

Г. Ф.

МЕЧ. Еженедѣльник. Варшава.
№№ 1-6.

Новый журнал является органом объединенія двух литературных кружков: парижскаго и варшавскаго, группирующихся вокруг обѣих редакторов — Мережковскаго и Философова. В отличіе от большинства литературных предпріятій эмиграціи, новый журнал хочет быть не просто литературой, а глашатаем эмигрантскаго активизма. Опасности, угрожающія застоєм и смертью нашему зарубежному литературному стану, показаны вѣрно и безстрашно. Не совсѣм ясны средства, предлагаемыя для их преодоленія. По словам передовой статьи перваго номера, «в редакціи нашей (т.-е. варшавской), дѣлается особый «нажим» на активизм политическій. В Парижѣ дѣлается «нажим» на активизм идеологическій и творческій». Дѣйствительно, у нас создается вле-

чатѣніе, что спайка двух групп носит нѣсколько случайный и личный характер. Думаем, что для многих парижан, их участие в журналѣ объясняется крайней аполитичностью и равнодушіем к варшавским методам активизма. Лишь о послѣднем мы от лица «Новаго Града», как органа тоже социально-политического активизма, обязаны сказать нѣсколько слов. Чисто политических статей в «Мечѣ» не много, но онѣ характерны. Сама редакция объявляет войну «казенному демократизму» во имя «здороваго націонализма». В нѣскольких письмах из Франціи г. Рязанцев дает анализ февральских событій и настроений молодежи с точки зрѣнія ея крайне-праваго націоналистическаго крыла. По его словам, во Франціи торжествует Гобино, и «единственной живительной струей, которой мы дышим, является Германія». (Цитата из «La revue hebdomadaire»). Конечно, в настроениях французской молодежи можно найти все, что угодно. Мы ищем единомышленников среди группы «Esprit» и не можем запретить Рязанцеву искать их сре-

ди французских гитлеровцев. В № 6 в статьѣ Браунера «Меч» попытка дать аполитичную болгарскаго переворота. Если прибавить, что свобода вообще не значитса в числѣ тѣх цѣнностей, которыя собирается защищать журнал, что анти-фашистскія настроенія бичуются как смѣшной мнѣ, то мы вправѣ расшифровать активизм «Меча», как попытку литературнаго выраженія фашистских настроений в русской эмиграціи. Характерно, что, по свидѣтельству редакціи, ея стремленія «нашли живой отклик в кругах Національнаго Союза Новаго Поколѣнія». В такой средѣ защита Мережковским религіознаго гуманизма и слова Злобина о свободѣ повисли в воздухѣ. Говорим это с чувством большой горечи, так как до сих пор привыкли видѣть Д. С. Мережковскаго и его друзей в рядах защитников свободы. Но таква печальная логика политическаго активизма. Меч не обоюдоострый, бьющій только налево (или направо), неизбежно обращается против свободы.

Г. Ф.

Le Gérant : I. Rosset-Chiot.